

УДК 1(091)

DOI: 10.34670/AR.2023.48.16.016

Отношения господства и подчинения как феномены антропоцентрического горизонта миропонимания

Торубарова Татьяна Викторовна

Доктор философских наук,
профессор кафедры философии,
Курский государственный университет,
305000, Российская Федерация, Курск, ул. Радищева, 33;
e-mail: ttorubarova@rambler.ru

Аннотация

Статья посвящена осмыслению отношений господства и подчинения как феноменов антропоцентризма. Раскрывается метафизический горизонт конституирования данных феноменов, заданный антропоцентрической сферой сознания. В этой связи осуществляется апелляция к периоду формирования антропоцентризма в эпоху Возрождения, где утверждается сущность искомым отношений и определяется их специфика в пространстве политико-экономической реальности. Эксплицируется такой мировоззренческий горизонт мышления, в котором властные отношения становятся конститутивным и неотъемлемым элементом человека как автономного, действующего субъекта, учреждающего новую форму социальности в проектах перспективного видения, где техническое отношение к миру становится ведущим. Анализируется метафизика власти в плане выявления ключевых измерений отношений господства и подчинения. Определяются принципы ее функционирования как стратегии, формирующей свой этос отношений, связанных с утверждением методов, техник, технологий, механизмов ее успешного, продуктивного и действенного функционирования. Отныне властные отношения кодифицируют саму форму истины и знания.

Для цитирования в научных исследованиях

Торубарова Т.В. Отношения господства и подчинения как феномены антропоцентрического горизонта миропонимания // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 1А. С. 191-203. DOI: 10.34670/AR.2023.48.16.016

Ключевые слова

Антропоцентризм, метафизика власти, господство, подчинение, политико-экономическая реальность, субъект, метод, техника, политическая анатомия.

Введение

Современный мир, в котором ключевую роль играют политико-экономические реалии, по сути дела зиждется на тех ключевых принципах, провозглашенных антропоцентризмом, благодаря которым феномен господства и подчинения конституирует свой метафизический этос в структуре властных отношений. Этот этос задан особым статусом, или, точнее, привилегией собственной внутренней распорядительности автономно действующего субъекта, утверждающей контент «власть – знание – сила» в качестве ключевого измерения феномена господства. Речь идет о тех феноменах человеческого бытия, которые в антропоцентрической сфере сознания так многообразно пронизывают друг друга, что достигают своего принципиального определения в конституировании смыслового горизонта власти.

Основная часть

Эпоха Возрождения связана с формированием антропоцентрического горизонта миропонимания, в котором деятельность человека как автономного субъекта создает свой, особый этос отношений господства и подчинения. Доминирование политико-экономических реалий вело к утверждению властного отношения к миру в качестве определяющего во многом, а порой и самом существенном в жизнедеятельности человека. В такого рода мировоззренческом контексте человек как микрокосмос, заключающий в себе все многообразие Вселенной, будучи центральным звеном в непрерывной цепи бытия, связующим умом божественный и телесный порядок, способен подчинить себе весь мир. Система подчинения и господства была характерна и для Средних веков, и для древних цивилизаций, план подчинения всегда был характерен для человеческой истории. Важнее, прежде всего, прояснить особенности формирования той сферы сознания, в которой конституируется и получает свое обоснование новая форма социальности с присущей ей конфигурацией знания и новой архитектурой осуществления этого плана, не утратившая свою актуальность и ныне. Речь идет не просто об изменениях, происходящих в сфере властных отношений господства и подчинения, но об утверждении такого мировоззренческого горизонта мышления, в котором эти отношения становятся его конститутивным и неотъемлемым элементом. Как отмечает Мишель Фуко, «Исследование микрофизики власти предполагает, что отправляемая власть понимается не как достояние, а как стратегия, что воздействия господства приписываются не "присвоению", а механизмом, маневрам, тактикам, техникам, действиям» [Фуко, 1999, 41]. Эта форма властных отношений, формирующаяся в сфере антропоцентризма, обеспечивается посредством совокупности методов, техник, стратегий и механизмов их успешного, продуктивного и действенного функционирования. Следовательно, изменения в реализации такого рода отношений ведут к изменению самого этого плана, то есть техники осуществления власти над всем сущим, устанавливаемым в сфере такой распорядительности, а значит и техники контроля над окружающим человека миром. Этот контроль над миром имеет либо характер познания, либо преобразования. Как отмечает А.П. Щеглов, «...понятие власть включает в себе силу, которая представляет наиболее реальную основу власти. Сила в таком случае выступает как полное раскрытие внутренней цели власти, это существенность и действительность власти» [Щеглов, 2021, 85].

Вплоть до первой промышленной революции контроль над миром имел более познавательный характер, чем преобразовательный, отсюда критика К. Марксом

созерцательности. Маркс подчеркивает, что в идеализме разрабатывается идея активного субъекта. Властное отношение к миру получало свое выражение в идее образования новой философии социальности (*Universitas civilis* – гражданское общество). Властное отношение к миру порождало упование на магию, так как сохранялась сфера звездного предназначения человека: человек имеет звездный план бытия. Магия есть стремление овладеть своей судьбой, выяснить свой звездный час, и этому способствовали астрология, хиромантия, графология, кабалистика. Например, Иоганн Кеплер составил гороскоп для полководца Валленштейна, по которому он должен был погибнуть от руки близкого человека, что в действительности и случилось: он погиб от руки офицера, его внебрачного сына. Вот почему важно было выяснить свою судьбу, чтобы в «звездный час» осуществить те или иные действия. Но уже алхимия приобретает характер контроля над окружающим, поэтому она занимается техникой превращения вещей, техникой превращаемости одних вещей в другие, техникой трансмутаций реальных субстанций, а для этого требуется философский камень, то есть средство для преобразования мира, поэтому ее цель заключается в поиске средств для преобразования мира. С другой стороны, властное отношение к миру выражается в формировании Новой науки – науки политики, которая имеет трезвый, холодный расчет, и в лице Н. Макиавелли эта наука получает свое фундаментальное метафизическое обоснование. Наука политики обретает свою суть в конституировании собственного дисциплинарного поля и объявляется самодостаточной сферой проявления человеческой активности, свободной от морали и религии [Сергеев, Толстенко, 2002, 613].

Отныне политико-экономическая реальность получает самодовлеющую значимость в контексте самоосуществления свободного и действенного субъекта. Выражением такого рода человеческой сущности явилась идея *humanitas*. В идее «*humanitas*» на первый план выдвигается участие, властное отношение, отмеченное формированием такой новой социальности, где поощряется инициативность, предприимчивость, разные тайные оккультные знания. Такая философия социальности формируется прежде всего в деловой жизни Италии – во Флоренции и других итальянских городах. Важнейшим в контексте такого рода социальности провозглашается достижение цели, а основной целью становится самоосуществление человека в богатстве, в поэзии, в архитектурном творчестве и т.д. Ключевой интенцией такого действенного сознания становится стремление реализовать самого себя в своей собственной жизнедеятельности. Эта деятельность не характерна для греков или франкомасонов, которые строили готические соборы (франкмасоны находились под покровительством церкви и передавали таинства своего ремесла из рук в руки). Готический собор не противопоставляется окружающему, а ренессансные постройки противостоят окружению (дворец всегда имеет площадь или сад, парк). В области поэзии, в сфере художественного творчества все большее назначение приобретает стремление к оригинальности, претензия на индивидуально-неповторимое осуществление, которое будто бы отмечено печатью гениальности. Человек претендует на то, чтобы быть гениальным. Гений Сократа подсказывал ему то, что не следует делать, но не подсказывал то, что ему необходимо делать. В эпоху Ренессанса гениальность – это мастерское самоосуществление себя, которое не поддается никаким меркам. Наряду с практичностью, трезвой расчетливостью, возникает стремление к оригинальности, которое характерно не только для художественного творчества, архитектурных строений, но и для самих форм жизни.

Стремление к самоосуществлению порождает такую форму знания, которая нехарактерна ни для средневековой *scientia*, ни для античной «софии». Новая форма знания апеллирует к

поиску эффективных методов, средств, действенных механизмов осуществления чего бы то ни было, ради достижения целей господствующего и стремящегося утвердить свою власть субъекта, но отнюдь не к познанию истины как таковой, скажем, в созерцательной теории Аристотеля. Вот почему учение о методе как пути к строго устанавливаемой и определяемой самим этим субъектом истине является основным в антропоцентрической перспективе познания, будь то мысль Ф. Бэкона (знание – сила), Р. Декарта или Гегеля, а «врачевание» ума становится самой важной задачей. Метод приобретает господствующее значение, не важно, что случится, а важен эффективный, надежный и действенный метод, гарантирующий достижение определенного результата. «Этот метод разрешает задачу первой важности, которая заключается в полагании основания всего сущего и мышления, что подразумевает радикальное преобразование сознания...» [Сергеев, 1993, 254].

В условиях социальной бесформенности, когда происходит разрушение социально-корпоративного тела, преобладающей становится мстительная форма сознания. Чувство мести получает ключевое значение. Для корпоративной формы жизни, как отмечает Я. Буркхардт, чувство мести нехарактерно. В условиях такой социальности, где человек становится одиноким субъектом, где предприимчивость, инициативность выдвигаются на первый план, социальность создается через изобретение техники контроля, техники подчинения и властвования. Таким образом, утверждается техническое отношение к миру в качестве основополагающего и регулирующего всю жизненную стихию человека. Как замечает М. Хайдеггер, «...техника – ...средство для достижения целей» [Хайдеггер, 1993, 222]. Моделью свободного мышления становится математика, где человек, сам от себя и опираясь только на свой собственный разум, утверждает то, что он полагает в качестве обязательного и обязывающего для самого себя. Математическая модель познания оказывается господствующей в науке потому, что в математике утверждается своего рода техника контролирования своих собственных рассуждений и мысли.

В самой форме нового цивилизационного устройства важно было найти технику организации человеческой жизни не на корпоративных основаниях, а на основе того, что создается производящее тело, которое выдвигается теперь на первый план. «Капитал» К. Маркса, «Мир как воля и представление» А. Шопенгауэра, «Воля к власти» Ф. Ницше остаются недооцененными. Например, в «Капитале» Маркса научным языком с использованием социально-классовой концепции производительного тела создается, говоря словами М. Фуко, политическая анатомия человеческого тела, которая определяет саму форму познания, саму форму отношения к миру, что выражается и у Шопенгауэра в «Мире как воле и представлении», и у Ницше в «Воли к власти». Уже Данте и Петрарка воспринимали современный им мир как неудовлетворяющий их, то есть который не существует по необходимой Истине, поэтому Данте предлагает проект установления Римской империи, Петрарка тоже обращается в письмах к властвующим особам с поучениями. В этих условиях ключевым мотивом, детерминирующим бытие человека, является не столько античный или средневековый поиск истины, сколько утверждение стремления к реализации своей собственной сущности. И коль скоро человек конституируется в плане понимания Бога как Творца и, стало быть, ему принадлежит творческая сущность, поэтому важнейшей задачей становится поиск и утверждение методов и средств господства для реализации действенного самоосуществления собственной сущности, к примеру, создать философскую систему либо осуществить архитектурный проект и т. д.

Проективно-предвосхищающее мышление преодолевает магический образ человека. Уже властные отношения кодифицируют саму форму истины и знания. Если еще для Т. Мора в его

«Утопии» важен прежде всего проект, а техника реализации неизвестна, то уже Ф. Бэкон для своей утопии в «Новой Атлантиде» ищет технику реализации своего проекта в научном познании (таблицы, сравнения и т.д.). Сам Ф. Бэкон ничего не открыл в науке, но именно он понял социальную функцию научного, нового познания. Но как «политикон» Бэкон не был ученым в современном смысле (теоретик) и не мог оценить современные ему открытия. Но он понимал роль научного познания для реализации человеческих проектов, социальных утопий. Таким образом, человеческая деятельность приобретает мироустроительное измерение. В этом мироустроительном замысле властное начало, искусно управляющее назначение знания, требует соответствующую форму мышления. Такую трезворасчетливую форму мышления выразил Н. Макиавелли (за что хвалил его Маркс). Макиавелли взял за образец властвующего субъекта – Цезаря Борджиа. В своем трактате «Государь» Макиавелли предупреждает, что, когда государь овладевает властью, он «...должен обдумать все неизбежные жестокости и совершать их сразу, чтобы не пришлось каждый день повторять их и можно было ... успокоить людей и привлечь к себе благодеяниями. Кто поступает иначе по робости или под влиянием дурного совета, тот вынужден постоянно держать в руке нож; никогда не может он положиться на своих подданных, они же из-за постоянных и все новых притеснений никогда не могут чувствовать себя в безопасности» [Макиавелли, 1996, 63].

В XVI – XVII вв. развивается новая наука и новая форма философствования, выдвигающая на первый план господство автономного субъекта. В «Государе» Макиавелли объясняет интенцию мышления, которая должна определять политическую стратегию и тактику правителя, то есть на первый план выдвигается политическая техника. Власть не является привилегией сословия или собственностью, выражением власти становится политическая техника и ее применение. В сфере властных отношений у Макиавелли искусство познания уходит на второй план. Субъект политического действия не должен быть обременен никакими религиозными, моральными соображениями и обязательствами. В лоне политической практики приоритетный статус получает тот, кто обладает и владеет техникой господства и осуществления власти, «... в политике подсчитывают не благородные убеждения, а действия и результат» [Риклин, 2002, 58].

Для эпохи Возрождения самоосуществление человеком самого себя выражается в принципе индивидуации. В принципе индивидуации реализуются автономные акты понимания и познавания мира. Этот принцип оказывается двойственным в том, что извлечение человеческого индивида из корпоративного цехового тела делает его совершенно беззащитным перед политической формой организации власти. Принцип индивидуации олицетворяет тайну новой социальности. В этом принципе формируется тенденция объективирования природного и человеческого бытия, в силу чего знание утрачивает статус смирения и скромности естественного Света разума, но призвано быть силой, подчиняющей природу требованиям и претензиям ничем не ограниченной, заранее заданной сущностью человеческой самости.

В антропоцентрической перспективе артикулируемого Пико делла Мирандолой мышления, человек не имеет никакой заранее данной сущности, то есть сущность задается волей и желанием автономного индивида, предоставленному собственным решениям и действиям. Сущее по отношению к самоопределяющемуся человеку должно быть так или иначе овеществлено, дабы служить проектам человеческого подчинения и господства. Вне телесного бытия предполагается существование сферы интеллигибельных сил, в которую человек включается в силу своего изначального божественного предназначения. Поэтому он способен наделять значением все сущее и тем самым подчинять его своим собственным стремлениям и

влечением. Человек как микрокосм причастен к миру вещественному и к сфере интеллигибельных сил, которая позволяет обнаруживать значения всех окружающих вещей. В силу наличия неограниченной возможности самоосуществления, которая провозглашается в идее «humanitas», формируется новое мировоззрение, дающее человеку право воспринимать мир как предоставленный ему одному, как совершенно открытый для него простор. В этом просторе, реализуя свое божественное предназначение, человек задает меру всему сущему. Как центральное звено в непрерывной цепи бытия, человек причастен ко всему телесному и интеллигибельному, то есть к тому, что незримо для телесных очей, но что внутренним взором угадывается, постигается. Обращение к утверждению этого внутреннего света, взора разума ведет к тому, что все эмпирическое окружение наделяется смыслом и значением в силу того, что внутренним обладает только человеческий индивид, который всему сам задает значения.

В ренессансной культуре не было доктрины, которая бы определяла целиком и полностью всю сферу истины. Существует множество доктрин, теорий, и каждая теория стремится стать техникой реализации властного отношения к миру. По сути дела, реализуется «прометеевская» сущность человека, которая не предполагает ответственности. С одной стороны, все должно быть подчинено этой сущности, а с другой стороны, предоставленный самому себе человек, призванный к самодеятельности, оказывается в таком положении, что он во что бы то ни стало должен самого себя осуществлять. Дилемма сасоопределяемости человеческого статуса между Бытием и ничто вмняет самоосуществление ему в обязанность. В антропоцентрическом горизонте иного человеку не дано, поэтому постижение смыслового содержания Истины приобретает тенденцию поиска средств такого рода реализации человеческой сущности, которая ничем заранее не ограничена и выдвигает на первый план экстатические состояния. В экстатических состояниях человек стремится к наслаждению, подчинению и властвованию. Якоб Буркхардт отмечает, что в условиях социальной бесформенности, характерной для Италии XIV – XV вв., «...часто проявлялся безграничный эгоизм в самых ужасающих своих чертах, презрение ко всякому праву, стремление уничтожить в самом зародыше всякое здоровое, культурное начинание; но там, где эти тенденции так или иначе преодолевались, где являлся в чем-нибудь перевес над ними, там в историю вступала новая живая сущность: государства как сознательное, основанное на расчете творение, как произведение искусства» [Буркхардт, 2001, 15]. В условиях социальной бесформенности принцип гуманизации человеческого бытия получает двойственный характер, с одной стороны, апелляция к индивидуированию как необходимости своего собственного самоосуществления, а с другой стороны, апелляция к правосознанию, то есть наличию правовой основы человеческой жизни, которая должна быть основой *studia humanitatis*. В первом случае утверждается, что человек не имеет никакой заранее заданной сущности, заранее заданной самости, поэтому он призван творить самого себя, оказываясь, таким образом, произведением своего собственного искусства, творцом самого себя. Каждый способен творить свою жизнь, придавая ей определенные формы существования. Такого рода творческая активность возможна только при наличии правовых гарантий, поэтому стремление к установлению права в условиях социальной бесформенности выражает необходимость законодательной основы. В творчестве К. Салютатти, П. Браччолини апелляция к праву, закон, дипломатия, политика являются выражением божественной мудрости.

В образ культуры эпохи Возрождения вводится понятие экстазис как выражение сущности человеческого существования. Эти экстатические состояния иногда определяются как «болезненные» состояния (Парацельс). Весь мир осмысливается как преодолевающий свои границы. Болезненное состояние мира требует лечения, преобразования. Требуются мощные и

действенные средства, методы, призванные врачевать общество от разного рода недугов. Алхимия как искусство медикамента именно на этом основывается. В XIX в. у Ф. Ницше и Ф.М. Достоевского болезнь выступает как некоторая привилегированная форма существования, как некоторое состояние, в котором человеку открывается то, что в нормальном состоянии невозможно воспринять. «По Достоевскому, сердцевиной человеческого в человеке, "тайным" человека является свое собственное, вольное и свободное хотенье, свой собственный, хотя бы самый дикий каприз, своя фантазия, раздраженная иногда хотя бы даже до сумасшествия» [Тульчинский, 2022, 125]. В «Идиоте» Ф.М. Достоевского болезнь рассматривается как такое состояние, в котором разрушаются все само собой разумеющиеся вещи, все привычное и обычное. Так называемый «Евклидовый» ум выступает выражением бессилия, который все уравнивает. Это подчеркивается у Ницше, для которого сущность человека заключается не в поиске и обретении истины, а в стремлении во что бы то ни стало реализовать самого себя. Апелляция к рассудку есть месть, ибо разум – место для всеобщего, а всеобщее – это банальное. Апелляция к разуму выражает чувство мести со стороны тех, кто сам себя не смог реализовать в жизни. Сама жизнь есть воля к власти, и у кого эта воля ослаблена, кто не смог ее реализовать самостоятельно, он апеллирует к разуму. Разум и есть месть всем сильным в жизни. Ницше утверждает, что ученый человек является просто регистрирующим устройством, познающим автоматом, анонимным разумом, через который происходит усреднение индивидуально-неповторимого каждого. В XX в. «воля к власти», реализованная в реальности, приводит к тому, что индивиды не несут никакой реальной ответственности.

История изучается для понимания современности того, что непосредственно случается. То, что писал Макиавелли, очень близко современной политической практике. История предполагает развертывание определенных знаний, идей и состояний. И если есть что развертывать в социальном и духовном плане, тогда имеет место и история. Другими словами, история имплицитно основана, которые требуют дальнейшего развертывания. Возрождение закладывало такие основания, которые получили развертывание в политическом и интеллектуальном теле современного человека. Ф. Ницше высказывал идею, близкую эпохе Возрождения, говоря о том, что суть познания заключается не столько в поиске Истины, сколько в самореализации, в самовыражении человеческой личности. Такое понимание сущности человека выражено уже в ренессансной идее *humanitas*: говори, что угодно, лишь бы это было высказано оригинально, красноречиво, и это становится навязчивой идеей в риторике и поэтике. Ритуал христианской конфессии (исповедания) распространяется на все сферы социальной жизни, подготавливая квази-конфессиональную технику, на которой основывается гуманитарный комплекс новых дисциплин (медицина, педагогика, психиатрия, теория уголовно-следственного дела, романное слово). Техника «признания» становится основой разработки новых дисциплин научного знания. На основе признания форм то, что на современном философском языке называется «я», «сознанием», «субъектом». В сфере признания человек требует, чтобы его признали как мыслителя, как художника, как поэта. На основе этого самоутверждения требования признания со стороны других формируются философия мыслящего и действующего субъекта, который воспринимает жизнь как активность самовыражения, самоутверждения. Эта тенденция получает свое действительное воплощение в философии Гегеля, в которой самопроизводящая деятельность утверждается в контексте освобождающегося сознания. Феномен господско-рабского сознания блестяще проявлен Гегелем в его «Феноменологии духа». Гегель показывает спекулятивно-диалектический процесс движения духа к истине своей собственной природы, абсолютному знанию.

Обремененный историей своего постоянного отчуждения, дух пытается восстановить себя в своем подлинном самосознании. Контекстом рассуждений Гегеля является история борьбы самосознаний. Он пытается показать, что Истина человеческого существования совершается там, где имеет место борьба за факт признания одного человека со стороны другого, то есть там, где есть победитель как свободная самость. Именно в борьбе самосознаний происходит возвышение и конституирование Господина, господского сознания. «Для Гегеля мышление есть *прообраз господства*» [Финк, 2017, 273]. Позиция господина есть, по сути дела, манифестация и утверждение статуса борьбы, позиции власти. Таким образом, история осуществления собственно истины природы человека предстает у Гегеля как история взаимоотношений Господ и Рабов, господства и подчинения.

Стремление к самоосуществлению неотделимо от принципа индивидуации. Принцип индивидуации раскрывает тайну социальности, которая формируется в эпоху Возрождения. Стремление к индивидуации, присущее ренессансному сознанию, получает импульс к восхождению в процессе утверждения абсолютистской деспотической формы государственной власти, которая определяет себя как право предавать любого человека смерти или как право оставлять его в живых. Механизм абсолютистской власти заикливаясь на операции предания смерти всех тех, кто препятствует ее осуществлению, реализации, кто выступает против нее. Но этому механизму власти противостоит «народное карнавальное тело» (М. М. Бахтин). Этому сверхтелу абсолютного монарха, которое имеет власть на право предавать казни, противостоит «народное карнавальное тело», которое постоянно обновляет себя в непрерывном потоке становления, в непрерывных сменах рождения и смерти, то есть непрерывно становящееся народное, массовое тело, которое не отделяет смерть от рождения, не знает разъединения на внешнее и внутреннее, на микрокосм и макрокосм, ибо оно не может быть индивидуировано никаким внешним наблюдением, а тем самым оно не может быть вырвано из потока жизни, поскольку оно не признает никаких внешних регламентаций [Бахтин, 1965, 161-164].

Тело, которое индивидуализируется внешним наблюдением, становится смертным, не способным к постоянному обновлению, именно такое тело становится объектом научного познания и превращается просто в организм. Согласно М.М. Бахтину, восчувствованное, переживаемое изнутри тело не может быть предметом однозначной артикуляции, не может быть органом, функционирующим в социальном или политическом веществе, это тело не знает, что такое наблюдать и быть наблюдаемым, для этого тела нет инстанции закона и запрета, нет сознания или субъективности в смысле картезианского *cogito*, или трансцендентального субъекта Канта, или абсолютного «Я» Фихте. Таково карнавальное тело, которое не подчинено никаким запретам.

«Карательная» анатомия, которая присуща абсолютистско-деспотической модели власти, действует, как если бы она стремилась реализовать во всей полноте именно это карнавальное народное тело. Поэтому важно всех остальных людей превратить в подданных, в массу, которой можно манипулировать, из которой можно «выдергивать» любую единицу, которая плохо функционирует. Поэтому для абсолютистской власти не существует никакого народного карнавального тела, а существует тело потенциального преступника, для разоблачения которого необходимо создание особой техники дознания. Техническая изошренность широко применяемой телесно-психической пытки, которая вырабатывалась еще в период инквизиции, является созданием, говоря языком М. Фуко, политической анатомии тела (Бентам – политическая анатомия тела, а К. Маркс говорит об экономической). Политическая анатомия тела является новой формой познания всего материального и телесного. Для абсолютистской

модели власти характерно судебное разбирательство, которое всегда происходит тайно; господство презумпции виновности; телесная пытка остается основным доказательством виновности. Такого рода практика обращения выражается в терминах инквизиционного дознания. Инквизиционные процедуры образуют из обвиняемого лица признающееся тело, то есть тело, которое должно само огласить истину своего преступления, причем совершенно объективным, независимым от чувств и сознания образом, то есть говорит только тело, которое лишено всяких чувств и всяких переживаний, тело, превращенное испытательными экспериментами, в говорящий объект. Пытками устанавливается предел и глубина боли, которая соответствует вырванному у этого тела слову. То есть инквизиционная процедура превращает тело в объект всевозможных манипуляций. От телесного человека линия индивидуации ведет к сверхсубъекту воли и власти, и этот сверхсубъект становится повелевающим сверхтелом.

Самым сложным для человека в эпоху сталинизма являлось отделение, отъединение от общего корпоративного тела организации политической власти. Технические методы «инквизиционного» сознания, которое использовалось в абсолютных монархиях XVI – XVII и других веков, переносятся затем и на восприятие природных вещей, потому что природные вещи переносятся в план испытания и становятся природными объектами. М. Фуко в своем произведении «Надзирать и наказывать» говорит о создании юридически-политической матрицы экспериментального познания, в которой власть открывает сферу и форму познания, а само познание создает для власти новую технику ее использования. В сфере общественных отношений исключительное значение приобретает практика признания, открываются новые возможности контроля и воздействия не только на человеческое тело, но и на человеческое сознание. Для таких абсолютистских моделей власти человек уже не есть сущее в потоке жизни, а он просто имеет жизнь, а все, что кто-то имеет, можно отобрать, отнять. План подчинения в этом властном отношении человека прежде всего не только в сфере социального, но и в сфере отношения к природному миру. Этот план подчинения создает научно-правовой комплекс, из которого власть производит свои собственные обоснования, свою сферу действия. Из этого комплекса техника власти маскирует свое исключительное распространение. Именно в эпоху Возрождения это разворачивается и происходит создание «политической анатомии» тела, в которой власть неотделима от познания. Сама власть, властное отношение к миру определяет формы познания и знания (экспериментально-испытательное познание). Как пишет М. Фуко, «...надо признать, что власть производит знание ... власть и знание непосредственно предполагают друг друга; что нет ни отношения власти без соответствующего образования области знания, ни знания, которое не предполагает и вместе с тем не образует отношений власти» [Фуко, 1999, 42].

С формированием промышленной цивилизации открываются новые возможности контроля не только над человеческим телом, но и над его сознанием. Абсолютная форма деспотической власти, характерная для Европы XVII – XVIII вв., утверждает себя в качестве безусловной власти смерти над жизнью, что означает, что человек не есть сущее в непрерывном потоке жизни, а просто есть индивидуум, который имеет жизнь, а не является выражением самой жизни, неповторимым выражением жизни, как это было характерно для Средневекового понимания, раз он является индивидом, то он просто имеет жизнь, которую можно отобрать. План подчинения переносится из сферы человеческого отношения в сферу властного отношения к природному миру, в сферу властного дознания («знание – сила!» – Ф. Бэкон). Такое отношение, формируемое в антропоцентрическом горизонте ренессансного сознания, затем

получает обоснование в английском эмпиризме и классическом рационализме, создавая научно-правовой комплекс, из которого власть производит свое основание, из которого она расширяет свои собственные действия. «Господство теперь увековечивает себя и распространяется не только посредством технологии, но и *как* технология, и она наделяет склонную к экспансии политическую власть, вбирающую в себя все сферы культуры, огромной легитимностью» [Хабермас, 2007, 55].

Сложившиеся господствующие формы появляются в связи с тем, какие операции на теле природы и на теле человеческих индивидуумов оказываются в данное время легко реализуемыми для того, чтобы это тело природы и тело человеческих индивидуумов превращать в объект, который можно препарировать, рассматривать и т.д. В запутанном регионе политической сферы, который очерчивает круг отношения власти и подчинения, происходит как бы удвоение человеческого тела, то есть вовлекаемое в эти отношения тело наделяется не телесным элементом – душой. История политической анатомии тела могла бы быть элементом в истории современной человеческой души. Такого рода душа не есть реактивация той или иной идеологии. Идеология – это определенные образцы мысли, сознания, которые к душевности человека не имеют никакого отношения. Такого рода душа есть определенный элемент, который соотносится с определенной техникой власти, то есть душа – это не иллюзия, эффект идеологического порядка, она имеет свою собственную реальность и постоянно производится, в смысле «изведения», вокруг человеческого тела, на человеческом теле, внутри человеческого тела функционирующей техникой власти, которая контролирует, тренирует, наказывает, исправляет и т.д.

Именно политика, политически-правовой комплекс облачает человека окружающими социальными знаками (ордена, медали, звания, степени). Через тело индивидуума власть осуществляет свое собственное распространение, свое собственное осуществление. Современный же человек в обществе является прежде всего политическим человеком. Облачение человеческого тела осуществляется в самой технике власти, которая характерна для современных реалий властных отношений. Власть не только облачает человека всевозможными знаками, но и наделяет человека определенной душой. Через систему наказания, образования, исправления и подчинения форм конституируется техника контроля за человеческим индивидуумом, и эта техника контроля формирует определенную душу человека, то есть душа как бы прививается к телу, чтобы с помощью души можно было воздействовать и на само тело. Душа есть элемент, который как бы оформляет тело, которое можно подчинять. «"Душа" обитает в нем и дает ему существование, которое само является элементом господства, осуществляемого властью над телом. Душа есть следствие и инструмент политической анатомии» [Фуко, 1999, 46]. Через экономическую форму принуждения вырабатываются определенные потребности и прививается определенная душа. Манипуляция телом не непосредственно властным принуждением как это было характерно для абсолютной формы власти, а тем, что прививается определенная душа. Душа есть темница тела, затемняя тело разными потребностями, через которые тело становится легко манипулируемым. Через манипулирование телом осуществляется и манипулирование сознанием. Об этом свидетельствует необычайная внушаемость современного человека. Когда телу привита определенная форма души, которая создана в системе политической анатомии тела, само сознание оказывается легко подчиняющимся разным формам внушения.

Но сама форма власти в нынешних условиях демонстрирует внутренний парадокс своих форм. Так, возрастание господства и могущества, понуждаемые к сверхчеловеческому, с легкой

руки Ницше, подводящему итог антропоцентрической перспективе в своей воле к власти, оборачивается по сути дела ее собственным уничтожением. Как пишет Элиас Канетти, «Власть сегодня более могущественна, чем когда-либо, но и более проклята, чем когда-либо. Выживут все или никто» [Канетти, 1997, 502].

Заключение

Таким образом, феномены господства и подчинения в контексте властных отношений обретают свой фундаментальный метафизический горизонт собственной распорядительности, который задается сферой антропоцентризма. Политико-экономическая реальность, формирующаяся в эпоху Возрождения, получает свое метафизическое обоснование в конституировании ключевых принципов антропоцентрического сознания. Фундаментальные отношения, имеющие сущностный характер для понятия власти, – это, прежде всего, отношения между людьми. Всякое утверждение господства всегда соотносится ни с какими бы то ни было критериями моральности в том или ином обществе, и отнюдь не с нравственным укладом человеческой жизни, а имеет сущностный крен соотнесенности с сущностью бытия всего сущего. Жизненный уклад определяется определенной организацией порядка человеческого бытия, причем такого рода порядок конституируется людьми в системе действенных и эффективных правил, которые выступают в качестве структурных образований, регулирующих этот порядок. Человек как свободный и активный субъект является учредителем соответствующих отношений в обществе, то есть в системе организованного порядка, в котором он так или иначе призван примерять на себя маски господства и подчинения как по отношению к самому себе, к другим людям, так и по отношению к миру.

Библиография

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1965. 526 с.
2. Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. М.: Интрада, 2001. 544 с.
3. Канетти Э. Масса и власть. М.: Ad Marginem, 1997. 527 с.
4. Макиавелли Н. Государь // Макиавелли Н. Государь; Рассуждения о первой декаде Тита Ливия; о военном искусстве. М.: Мысль, 1996. С. 38–108.
5. Риклин А. Никколо Макиавелли: искусство властвовать. СПб.: Алетейя, 2002. 222 с.
6. Сергеев К.А. Ренессансные основания антропоцентризма. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1993. 258 с.
7. Сергеев К.А., Толстенко А.М. Никколо Макиавелли как основатель новоевропейской политологии // Сапов В.В. Макиавелли: pro et contra: Личность и творчество Н. Макиавелли в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб.: РХГИ, 2002. С. 596-626.
8. Тульчинский Г.Л. Философия поступка: самоопределение личности в современном обществе. СПб.: Алетейя, 2022. 826 с.
9. Финк О. Основные феномены человеческого бытия. М.: Канон+, 2017. 431 с.
10. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
11. Хабермас Юрген. Техника и наука как «идеология». М.: Праксис, 2007. 208 с.
12. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 221-238.
13. Щеглов А.П. Метафизика власти. СПб.: Алетейя, 2021. 450 с.

Relations of domination and submission as phenomena of the anthropocentric horizon of world understanding

Tat'yana V. Torubarova

Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of philosophy,
Kursk State University,
305000, 33 Radishcheva str., Kursk, Russian Federation;
e-mail: ttorubarova@rambler.ru

Abstract

The article deals with comprehension of domination and submission as the phenomena of anthropocentrism. The author reveals the metaphysical horizon of these phenomena, given by the anthropocentric sphere of consciousness. In this regard, an appeal is made to the period of the formation of anthropocentrism in the Renaissance, where the essence of the desired relations is affirmed and their specificity in the space of political and economic reality is determined. The outlook horizon of thinking is expelled, in which the authorities become a state-of-the-art and integral element of the person as an autonomous, acting subject, establishing a new form of social in projects of perspective vision, where the technical attitude to the world becomes a leading. The metaphysics of power in identifying key measurements of the relationship between domination and subordination is analyzed. The principles of its functioning are determined as a strategy that forms its own ethos of relations associated with the approval of methods, techniques, technologies, mechanisms for its successful, productive and efficient functioning. From now on, power relations codify the very form of truth and knowledge.

For citation

Torubarova T.V. (2023) Otnosheniya gospodstva i podchineniya kak fenomeny antropotsentricheskogo gorizonta miroponimaniya [Relations of domination and submission as phenomena of the anthropocentric horizon of world understanding]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (1A), pp. 191-203. DOI: 10.34670/AR.2023.48.16.016

Keywords

Anthropocentrism, metaphysics of power, domination, submission, political-economic reality, subject, method, technique, political anatomy.

References

1. Bakhtin M.M. (1965) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ.
2. Burkkhardt Ya. (2001) *Kul'tura Italii v epokhu Vozrozhdeniya* [Culture of Italy in the Renaissance]. Moscow: Intrada Publ.
3. Fink O. (2017) *Osnovnye fenomeny chelovecheskogo bytiya* [Basic phenomena of human existence]. Moscow: Kanon+ Publ.
4. Fuko M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Supervise and punish. The birth of the prison]. Moscow: Ad

Marginem Publ.

5. Kanetti E. (1997) *Massa i vlast'* [Mass and power]. Moscow: Ad Marginem Publ.
6. Khabermas Yurgen (2007) *Tekhnika i nauka kak «ideologiya»* [Technology and science as "ideology"]. Moscow: Praxis Publ.
7. Khaidegger M. (1993) Vopros o tekhnike [The question of technology]. In: *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Time and being: articles and speeches]. Moscow: Respublika Publ., pp. 221-238.
8. Makiavelli N. (1996) Gosudar' [Sovereign]. In: Makiavelli N. *Gosudar'*; *Rassuzhdeniya o pervoi dekade Tita Liviya; o voennom iskusstve* [Sovereign; Discourses on the first decade of Titus Livius; about the art of war]. Moscow: Mysl' Publ., pp. 38–108.
9. Riklin A. (2002) *Nikkolo Makiavelli: iskusstvo vlastvovat'* [Niccolo Machiavelli: the art of ruling]. Saint Petersburg: Aleteiya Publ.
10. Sergeev K.A. (1993) *Renessansnye osnovaniya antropotsentrizma* [Renaissance foundations of anthropocentrism]. Saint Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University.
11. Sergeev K.A., Tolstenko A.M. (2002) Nikkolo Makiavelli kak osnovatel' novoevropeskoï politologii [Niccolò Machiavelli as the Founder of New European Political Science]. In: Sapov V.V. *Makiavelli: pro et contra: Lichnost' i tvorchestvo N. Makiavelli v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei: Antologiya* [Machiavelli: pro et contra: Personality and creativity of N. Machiavelli in the assessment of Russian thinkers and researchers: Anthology]. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy, pp. 596-626.
12. Shcheglov A.P. (2021) *Metafizika vlasti* [Metaphysics of power]. Saint Petersburg: Aleteiya Publ.
13. Tul'chinskii G.L. (2022) *Filosofiya postupka: samoopredelenie lichnosti v sovremennom obshchestve* [Philosophy of the act: self-determination of the individual in modern society]. Saint Petersburg: Aleteiya Publ.